

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 1224-1236. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.1224
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Persian-Citizen Population of the Terek region in the Socio-Economic and Cultural Processes of the second half of XIX – early XX centuries

Svetlana A. Khubulova ^a, Larisa Ch. Khablieva ^a, Zalina E. Dzottsoeva ^a, Supyan S. Magamadov ^{b, c, *}

^a North-Ossetian state University named after Costa Khetagurov, Russian Federation

^b Chechen state University, Grozny, Russian Federation

^c Institute of humanitarian studies, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Russian Federation

Abstract

For the first time, the role of persian subjects in the socio-economic and cultural-demographic development of the Terek region in the second half of the XIX and early XX centuries was studied on the regional archival material. During the analysis, the main stages of the formation of the persian population in the region and their legal status are highlighted. The sex and age structure was reconstructed, the main activities of this category of foreigners were identified: economic, sociocultural; the contribution of the persian diaspora, as well as the patterns of its participation in the development of the region as a historical and cultural phenomenon, is shown. The reconstruction of these processes was carried out by introducing into the scientific circulation of previously unpublished archival materials. It was shown how, by creating conditions for social and economic modernization in the Terek region, foreign diasporas were formed, which became one of the driving forces for modernizing economic life and developing the social life of the region. The russian state understood the undoubted significance of the positive qualities that immigration gave, especially to the North Caucasus. As it was established, between the persian immigrants and the local population processes of interaction, integration and synthesis of different ethnic cultures and traditions took place. The territory of the region was open to immigrants from neighboring countries without restrictions on confessional or ethnic grounds.

The immigrants opted for the Terek region as a result of finding their niche. In the course of the study, the task was to study the general problems of citizenship, the legal foundations for the presence of foreigners within the Russian Empire, which made it possible to identify the peculiarities of the legal status of Persian subjects in the Terek region. The analysis of the material allows us to conclude that the activities of the persian population had a positive impact on the life of the region.

Keywords: persian subjects, migration, adaptation, cultural ties, ethnic confessional.

1. Введение

В последние десятилетия в связи с открытием границ и необходимостью привлечения иностранных капиталов, а также рабочей силы в Россию увеличилась иммиграция. Сходные процессы можно наблюдать и в российской истории второй половины XIX – начале XX вв., что придает особую актуальность изучению проблем миграции. Исторический опыт, накопленный Россией за все предшествующие годы, позволяет проследить, как решались эти проблемы в разное время, дает возможность извлечь уроки и не повторять ошибок. В этой связи Северный Кавказ второй половины XIX – начала XX вв., как регион со своеобразной социально-демографической структурой,

* Corresponding author

E-mail addresses: hubul@yandex.ru (S.A. Khubulova), lara6715@yandex.ru (L.Ch. Khablieva), zalina.dzottsoeva@mail.ru (Z.E. Dzottsoeva), directigi@yandex.ru (S.S. Magamadov)

включавшей в том числе большое количество иностранных подданных, задействованных во всех сферах экономики, представляет большой интерес для исследования процессов иммиграции.

2. Материалы и методы

Основой статьи послужили материалы ЦГА Республики Северная Осетия–Алания (далее – ЦГА РСО-А), которые позволили реконструировать порядок пребывания иностранцев на территории России, а также изучить их участие в экономике и культуре Терской области. Полученные из фондов статистические сведения, а также материалы Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. дополнили информацию о гендерном, возрастном и социальном состоянии персидско-подданного населения. Отложившийся корпус документов, включающий прошения персов о принятии в российское подданство, дает богатый материал о времени пребывания на территории Терской области, о месте рождения, занятиях, семейном составе. Еще один ценный вид источников – заявления в местные властные структуры с просьбой об открытии школ, храмов и негосударственных благотворительных обществ. Эти документы раскрывают большие возможности для изучения процесса формирования персидской диаспоры, а также ее роли в экономической и культурной жизни региона.

В работе были использованы общенаучные (анализ и синтез) и специальные методы (проблемно-хронологический, историко-генетический историко-типологический, метод фронтального обследования архивных фондов). Проблемно-хронологический метод позволил изучить иммиграцию персов в исторической перспективе, историко-генетический дал возможность выявить причинно-следственные связи в процессе расселения иностранцев на территории Терской области, применение историко-типологического метода позволило классифицировать мотивы въезда в регион, метод фронтального обследования архивных фондов дал возможность создать эмпирическую базу исследования путем систематизации выявленных документов.

3. Обсуждение

Проблема заселения и освоения Северного Кавказа имеет обширную историографию, при этом основное внимание уделялось переселенцам из внутренних районов России, а также европейским иммигрантам, которые имели в регионе свои колонии (Казначеев, 2005; Пасько, 2003; Малахова, 2001; Лазарян, 2002). Гораздо меньше информации об иммигрантах из Турции, Персии, их взаимодействии с другими этносами региона. Лишь в 2000-е гг. в связи с налаживанием отношений со странами Востока стал проявляться научный интерес к предшествующей истории этих контактов (Корноухова, 2010; Третьякова, 2016). По материалам Юга России также активно ведутся исследования различных аспектов большой темы (Пирова, 2018; Богатырев, 2009; Имашева, 2015).

Некоторые вопросы участия персидских переселенцев в социально-экономической и культурной жизни г. Владикавказа рассмотрены в работе З.В. Кануковой (Канукова, 2008). Приходится констатировать, что проблема формирования персидской диаспоры в составе населения Терской области и участия персидских иммигрантов в социально-экономическом и культурном развитии региона в историографии освещена фрагментарно, еще не стала предметом самостоятельного изучения. Комплекс исследований и выявленных источников дает возможность для объективного и всестороннего анализа процесса адаптации персидских иммигрантов в условиях Терской области второй половины XIX – начала XX вв.

4. Результаты

Итогом русско-персидских войн первой половины XIX в. стала перекройка границ некоторых государств и прежде всего азербайджанских земель, которые были поделены между Россией и Персией: северная часть земель доставалась Российской империи, а южная – с г. Тавриз отходила Персии. Как отмечают исследователи, в результате укрепления связей с Востоком ширилась торговля с Персией, которая включала также большие территории Закавказья, в том числе нынешний Азербайджан. По этой причине в торговых операциях участвовали персидские купцы, преимущественно этнические азербайджанцы (Пирова, 2016: 18). Сразу оговоримся, что под персидско-подданными мы будем понимать не только этнических персов, но и мигрантов по факту из подданства.

История политических и социально-экономических отношений между Россией и Ираном исследована достаточно глубоко, но на периферии научного поиска оказались проблемы миграции населения между двумя странами, а также процесс адаптации иммигрантов на новых землях.

Цель статьи – изучить влияние персидско-подданных жителей Терской области на социально-экономические и культурные процессы, происходившие в регионе во второй половине XIX – начале XX вв.

Миграция населения становится следствием экономических, политических и природных катаклизмов или результатом вооруженных конфликтов крупных держав. Касаясь первой причины, отметим, что российское правительство на протяжении столетий было заинтересовано в привлечении в страну иностранцев. Вызвано данное обстоятельство в основном потребностью в специалистах и рабочей силе. Для них создавались благоприятные условия переезда и обустройства на новых землях.

Перекройка территорий повлекла за собой целый ряд социально-экономических, политических и правовых проблем. В частности, если многие десятилетия население, проживавшее на ранее единых землях, могло беспрепятственно мигрировать в любое время, то с разделением территории такая возможность обставлялась целым рядом ограничений. Хотя, к примеру, для населения приграничных населенных пунктов существовали некоторые послабления. Так, для населения приграничных провинций Астара, Ардебиль, Уджаруд, Гергер, Маранд, Маку и Хой достаточно было иметь лишь национальные паспорта без визы российского консула для беспрепятственного нахождения в приграничных же русских районах (Шукюров, 2009: 213).

Во всех остальных случаях предусматривалось наличие паспорта, разрешительных документов правительства, если таковых при себе мигрант не имел, то мог быть задержан и передан консулу своего государства для отправки на родину (ПСЗ, 1844: 589). Позже иностранцам было дано право свободного пересечения российской границы по установленным документам (Законы о состояниях, 1903: 281). С 1902 г. установилось правило, в соответствии с которым все записи в паспортах иностранцев делались на русском языке (Николаев, 2008: 104).

Мигрант, который пересекал российскую границу легально, обязан был завизировать свой паспорт в любом губернском городе и получал вид на жительство. Как правило, вид на жительство иностранец мог получить сроком не более одного года, если по истечении этого времени возникала необходимость продлить документ, он получал новый документ опять на тот же срок. Но по разным регионам России эти законы могли меняться. Например, сельскохозяйственные рабочие-иностранцы могли получить паспорт на продолжительное время, но не более чем на 12 лет; персидско-подданные, которые приезжали на Кавказ, меняли на время нахождения в империи свои национальные паспорта на документы для жительства и возобновляли их в Канцелярии губернаторов или в полицейских управлениях (Устав о паспортах, 1903: 51). Если проситель находился вблизи места размещения Канцелярии, то мог лично поменять свой просроченный документ, уплатив гербовый сбор. Начальник Канцелярии поручал собрать необходимую информацию о жизни иностранца за истекший год и в случае положительного ответа мог распорядиться о выдаче нового паспорта. Если иностранец находился вдалеке от губернской столицы, то он мог подать письменную просьбу и внести гербовый сбор.

Новый документ не отличался от прежнего и содержал информацию о его владельце: фамилию, имя, место рождения, подданство, звание, семейное положение, приметы и вероисповедание. Если владелец паспорта родился не в России, то указывался документ, по которому он впервые пересек российскую границу. Паспорт подписывался начальником Канцелярии (Устав о паспортах, 1903: 50).

Законным был и национальный паспорт, он давал возможность перемещаться по России. Но прежде иммигрант должен был отметиться у местного начальства, которое указывало в национальном паспорте время пребывания в пределах страны, но не более полугода: «В видах облегчения пребывания в России персидско-подданных, прибывающих по торговым делам, которые желали бы продлить свое пребывание в крае по истечении срока паспорта, полученного ими от своего правительства, обращались для возобновления их установленным порядком к Персидскому Генеральному консульству, которое снабдило их краткосрочными засвидетельствованными билетами до получения новых национальных паспортов» (ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 15. Д. 1252. Л. 17). В паспорте имелись все необходимые сведения: фамилия, имя, возраст, откуда переехал, род занятий и чем намерен заниматься в России.

Нахождение иностранцев на той или иной территории России регламентировалось специальными законами, которые могли облегчить или, наоборот, усложнить пребывание. Частая несогласованность в законодательстве давала возможность нерадивым чиновникам умело использовать это в свою пользу.

Организацией жизни диаспор на местах занимались Канцелярии губернаторов и начальников областей. С ростом количества мигрантов из Персии местные власти озаботились тем, чтобы организовать в рамках российского законодательства жизнь этих людей. Местной верхушке было предложено избирать из своей среды старост, которые вели бы все дела общины и имели контакты с российской администрацией.

Но с расширением торговых и дипломатических связей Россия и Иран стали устанавливать консульские отношения. В некоторых случаях мигранты перед поездкой получали разрешение в российском консульстве на территории своего государства; в остальных же – должны были уведомить своего консула уже по прибытии в Россию и быть внесенными в консульские реестры. Случалось, что волокита с выдачей паспортов сильно стесняла мигрантов в их существовании на территории империи: «О, Аллах, – восклицал азербайджанский поэт, – если у тебя нет наличных денег, тогда открой народу дорогу в Россию или же смягчи сердце консула, чтобы он выдал людям паспорта» (Шукюров, 2009: 215).

В 1840-х гг. остро встал вопрос об учреждении персидских консульств на Кавказе. Первые консульства были созданы в Астрахани и Петровске. После оформления Кавказского наместничества в Тифлисе было учреждено Персидское генеральное консульство, которое имело своих представителей в городах Телави, Александрополь, Кутаис, кроме них рекомендовалось «не входить

ни в какие сношения с другими и следить за тем, чтобы последние не снабжали персидско-подданных билетами на проживание» без ведома Наместника (ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 1. Д. 839. ЛЛ. 6–7).

С ростом миграций из Персии появилась необходимость в организации консульства и в столице Терской области. В конце 90-х гг. XIX в. было принято решение об открытии консульства Его Величества Шаха Персидского во Владикавказе; специально для этих целей на одной из улиц города было обустроено здание консульства (ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 17. Д. 98. Л. 17). За время деятельности консульства вице-консулами были Мирза Даут (Давуд)-Хан и Яхъя-Хан. В отличие от западных консулов, восточные не стали дипломатическими представителями в полном смысле. Прежде всего они должны были оказывать помощь и покровительство подданным Персии, при этом сами подпадали под юрисдикцию российского законодательства.

Осуществлять судебные функции консул не имел права. Весьма красноречиво в этом отношении дело владикавказского вице-консула Мирзы Дауд-Хана, который превысил свои полномочия и посадил под арест персидско-подданного Хасана Махмуда за уклонение от возврата долга в размере 28 руб. некому Ягудову. Владикавказский окружной суд в своем заседании рассмотрел дело, нашел, что консул совершил административное правонарушение и должен выплатить арестованному неустойку в размере дневного заработка Хасана Махмуда (Алиева, Дадаева, 2014: 16).

По истечении срока вида на жительство иностранец обязан был явиться к своему консулу и просить о продлении документа. Следовало своевременно обращаться в консульство, каждый день просрочки грозил немалым штрафом: «Иностранец обязан: 1. Предъявлять настоящий билет полиции того места, где будет иметь жительство, для соответствующей отметки, а также заявлять полиции при переезде из одной губернии в другую; 2. По истечении срока билета должен, нисколько не медля, просить другой билет у начальника той губернии, в пределах которой будет находиться, или подлежащего градоначальника, а при выезде за границу представить тому же начальнику свидетельство полиции о неимении препятствий к выезду...» (ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 15. Д. 1191. Л. 15). За непродление паспорта полагался штраф в 5 рублей. Консул имел право обратиться в Канцелярию начальника области за помощью в поисках своих соплеменников для обновления паспортов.

Долгое время власть не ставила вопроса о переходе в российское гражданство мигрантов, однако в конце XVIII в. с увеличением количества иностранцев этот вопрос встал. Анализ законодательных актов позволяет выделить переселенцев, перешедших в российское подданство, и тех, кто оставался иностранно-подданным. Те из переселенцев, кто совершал переезд вне организованной миграции, в официальных документах именовались «иностранцы» (Устав о паспортах, 1903: 106).

Эти правила с некоторыми вариациями распространялись на мигрантов из Персии, поселившихся в пределах Терской области.

Главная причина активной миграции персов в пределы Кавказа связана с тяжелым социально-экономическим кризисом. Постоянные войны, которые вела Персия, привели к развалу местной экономики, поэтому часть населения вынужденно занималась отходничеством. Российское правительство благосклонно относилось к переселению в пределы страны персов, которые могли сослужить хорошую службу для укрепления добрососедских отношений между государствами.

В XIX в. коренным образом изменилось значение подданства. Вышла на первый план проблема лиц без определенного подданства и гражданства. В Россию в большом количестве прибывали люди, которые даже не имели национальных паспортов, но лишь разного рода увольнительные из тех государств, подданными которых они ранее были. Пребывая длительное время на территории Российской империи, они не имели желания стать ее подданными. Вот один характерный документ. Некто Асадулла Сейфулла-оглы, приехав в Россию 11-летним мальчиком, в течение 24 лет не принимал подданства, оставаясь апатридом, т.е. лицом, не имевшим подданства и гражданства. Лишь в 1914 г. он, уже будучи владельцем кирпичного завода и отцом семейства, заявил в Канцелярию начальника Терской области: «Живя постоянно среди русских, я настолько свыкся с ними, что все мои интересы духовные и материальные связаны с интересами России, вследствие чего я решил перейти в русское подданство» (ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 15. Д. 1201. Л. 3).

До этого времени мигранты, подобные Асадулле, числились иностранцами, что вносило массу неудобств в организацию дел других мигрантов, прибывавших в Россию. С завершением процесса колонизации для иностранцев, не принявших подданства России, создается комплекс воспретительных положений, которые негативно отражаются на их пребывании в стране. Так, Мешеди Хасан-оглы в своем прошении указывал: «Отец привез меня из Персии в Грозный, сам вскоре умер, оставив меня круглым сиротой... Одно меня стесняет – я не знаю, подданным какой страны являюсь. В России я живу 25 лет и считаю ее своей родиной. Не может не стеснять в известной степени и выполнение тех формальностей, с которыми сопряжено право жительство в России (подчеркнуто нами – Авт.), к которой я тяготею как к своей родине» (ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 15. Д. 1206. Л. 1).

Таких апатридов становилось все больше, выход из сложившегося положения стал возможен путем натурализации, которая освобождала от социально-политических цензов, как, например, вступление иностранцев в гильдии. Российское подданство могли принять все желающие, не нарушающие государственных законов. По прошествии установленного законом срока

пребывания на территории России иностранцы могли вступать в подданство Российской империи. Так, выдавая каждому переселенцу водворительное свидетельство, Правление обязано было объяснять, что по «истечении пятилетнего водворения в России, он может возбудить перед начальником Терской области ходатайство о принятии его в русское подданство» (ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 15. Д. 1198. Л. 16).

Но не только личное желание иностранца могло стать основанием для положительного решения вопроса. Полицейстер должен был собрать самые подробные сведения о личности претендента, как, например, в случае с Хаджи-Ага Хаджи Магомет Хусейном-оглы, который «занимается торговлей, имеет свою бакалейную лавку, поведения и образа жизни хороших, под судом и следствием не состоящего, в распространении противозаконных идей не замеченного» (ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 15. Д. 1203. Л. 12).

До 1864 г. процедура принятия российского подданства была облегченной: от претендента требовалось лишь произнесение присяги, причем даже на своем языке. Но с введения в феврале 1864 г. Закона о гражданстве существовало ограничение в виде подачи прошения и пятилетнего срока. Когда срок заканчивался, проситель подавал заявление в Министерство внутренних дел с приложением актов состояния (ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 15. Д. 1204. Л. 8).

После вынесения положительного решения иностранец обязан был принести присягу в присутствии местного полицейского чина. Весьма примечателен текст присяги, которую приносили при принятии российского подданства: «Я клянусь Господом Всемогущим в присутствии Преславного Корана в том, что взял на себя и обязался служить верою и правдою Его Императорскому Величеству моему августейшему владыке и Повелителю Николаю Александровичу и императорскому дому и им во всем повиноваться..., употреблять все мои усилия на исполнение всего того, что потребуют обязанности верного служения Его Величеству...» (ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 17. Д. 98. Л. 79). Натурализация давала иностранцам все права и обязанности того сословия, к которому были причислены.

Реконструкцию социодемографических процессов позволяют осуществить данные Первой Всеобщей переписи 1897 г. Можно проследить половозрастную структуру, этнический, социальный, конфессиональный, профессиональный состав иностранно-подданного населения (Первая Всеобщая перепись, 1905). Прежде чем анализировать имеющиеся статистические данные, заметим, что численность персов и других иностранцев не совпадала с числом подданных соответствующих стран, но разница не существенная, поэтому с некоторой долей условности, возможно, распространить выводы на всю диаспору персов.

По официальным данным, с 1891–1905 гг. на Кавказе было зарегистрировано до 62 тыс. персов (Иванов, 1977: 97). Как указывает ряд исследователей, мигранты, к примеру, в Дагестан прибывали морем или через Закавказье (Алиева, Дадаева, 2014: 15). Уже отсюда они расходились по региону, часть их останавливалась в Терской области. Из 3786 иностранцев персидско-подданные в Терской области составляли примерно 52 %, тогда как германские граждане – 13,5 % (Первая Всеобщая перепись, 1905: 14).

Для сравнения: в Ставропольской губернии персидские подданные занимали второе место (18 %), уступая лишь турецким (Золотарева, 2006: 103).

Прежде всего, рассмотрим вопрос о размещении персидско-подданных на территории Терской области (Первая Всеобщая перепись, 1905: 23):

Таблица 1. Размещение персидско-подданных на территории Терской области

Округа и города	Из постоянного населения		Временно проживающие	
	м	ж	м	ж
Всего по области	2431	1277	56	22
Владикавказский округ	1081	505	16	4
Грозненский округ	277	164	1	4
Кизлярский отдел	204	93	11	-
Нальчикский округ	43	32	2	1
Пятигорский отдел	504	280	16	13
Сунженский отдел	145	97	2	-
Хасав-Юртовский округ	177	106	3	-

Данные Таблицы 1 позволяют установить, что в основной своей массе мужская часть примерно в два раза превосходила женскую, причем такая диспропорция была характерна для всех иностранцев в России. Стереотип о преобладании мужских трудоспособных когорт складывался из-за большого удельного веса среди иностранцев подданных восточных государств, для которых такое положение вещей было естественным. Среди персов-мигрантов более 80 % составляли мужчины, значительная часть которых состояла из рабоче-активных групп. Другой особенностью явилось вхождение

мигрантов в состав постоянного населения, т.е. подавляющая часть персов обосновывалась на территории области надолго.

Местом притяжения для мигрантов были Владикавказский, Грозненский округа и Пятигорский отдел. Неравномерное размещение на территории области не было явлением случайным и связано с большим количеством разных обстоятельств. Что влияло на выбор? Прежде всего, это выгодное географическое положение (пути сообщения), затем с развитием инфраструктуры появилось больше возможностей для получения работы и ведения бизнеса.

Прибывая в область, указанная группа мигрантов в качестве мест проживания предпочтению отдавала городам. Больше всего оседало во Владикавказе (58 %). Демографические законы проявлялись в том, что чем больше город, тем больше возможностей он давал для развития промышленности, торговли, бизнеса. Владикавказ, кроме людности, имел перед другими городами области и другие преимущества – административный центр, достаточно хорошо развитую городскую инфраструктуру, широкий рынок сбыта товаров. Грозный на протяжении второй половины XIX в. был вторым по численности городом области, но он отставал по численности иностранного (персидского) населения более чем в 4 раза. В остальных городах персов было и того меньше (15 %). Небольшие города и сельские населенные пункты персы для жительства выбирали реже ([Первая Всеобщая перепись, 1905: 28](#)):

Персидско-подданное население было неравномерно распределено по возрастным группам ([Первая Всеобщая перепись, 1905: 46](#)):

Таблица 2. Поло-возрастная структура городского персидско-подданного населения Терской области

возраст	мужчин	женщин	всего
До 1 года	43	33	76
1-9 лет	556	502	1058
10-19 лет	384	349	733
20-29 лет	535	281	816
30-39 лет	502	182	684
40-49 лет	295	160	455
50-59	182	93	275
60 и старше	108	39	147

Примерно половина иностранцев представлена трудоспособными когортами (20–49 лет) – 48 %, а с лицами, примыкающими к ним (10–19 лет и 50 и более лет) – 76 %, подавляющее большинство персидско-подданных. Доля детской когорты – 26 % составляла примерно четверть персидского населения в Терской области, что может говорить, с одной стороны, о высокой деторождаемости, с другой – о том, что часть мигрантов, особенно зрелого возраста, предпочитала переезжать на новое место вместе с семьей. Лишь люди старше 50-летнего возраста составляли примерно 10 % населения.

Характеризуя трудоспособные когорты, отметим, что на первом месте находится группа 20–29-летних, далее – 30–39-летних, остальные отстают с большим отрывом. В этих же группах заметно преобладание мужской части над женской. Примерно такое же соотношение в половозрастной структуре населения можно наблюдать в Ставропольской губернии: рабоче-активные группы (20–49 лет и примыкающие) составили 80 % персидского населения в крае ([Золотарева, 2007: 81](#)). Такое возрастное распределение говорит о том, что персидская диаспора формировалась не столько за счет притока извне, сколько за счет естественного прироста; кроме того, среди мигрантов доминировали мужчины в возрасте 20–40 лет, как наиболее мобильная часть населения.

Высокий уровень детской когорты свидетельствует об определенной стабильности и том, что выходцы из Персии выбирали Терскую область для постоянного пребывания.

Об этом же свидетельствуют данные о месте рождения указанной группы иностранцев. Из уроженцев иностранных государств, родившихся в Германии – 17,3 %, в Турции – 28,4 %, в Персии – 40,7 %, в других государствах – 6 %. Таким образом, в числе мигрантов в Терскую область прибыла примерно половинная часть рожденных в стране-реципиенте. Еще один показатель: мужчин-мигрантов, рожденных в Персии, было в 10 раз больше женщин-мигранток. По мнению исследовательницы Н.В. Золотаревой, изучавшей иностранных подданных на территории Ставропольской губернии, «персидские подданные, в основном последователи мусульманства, не рассматривали иное социокультурное пространство подходящим для постоянного пребывания» ([Золотарева, 2006: 87](#)) и поэтому возвращались на родину.

Для Терской области данный постулат не подходит по ряду причин. Во-первых, значительная часть населения области представлена последователями ислама. Несмотря на суннитскую и шиитскую ветви, было много общего в традициях и культуре всех коренных и пришлых мусульман. Во-вторых, приведенные выше данные о численности детей до 9 лет, и особенно детей до 1 года,

говорят о том, что мигранты обосновались в области надолго. Многократное преобладание мужского населения над женским, но большое количество детей позволяет предполагать, что персы могли жениться на представительницах других этносов, обозаводились семьями в условиях иммиграции.

Не менее важный, но плохо отраженный в статистических источниках, вопрос о формах семейной организации иностранного населения, составе и людности их семей. Одним из информативных источников являются материалы переписи 1897 г., которые дают представление о показателях семейного состояния и языковой принадлежности персидско-подданных в городах Терской области.

Первое, что бросается в глаза, это большое количество холостых мужчин, при незначительном количестве незамужних женщин. Даже если из числа неженатых вычесть детей и юношей до 19 лет, все равно по численному составу показатели мужчин и женщин не покрывают друг друга. Следовательно, определенная часть мужчин прибыла в Терскую область, не имея семьи либо оставив ее на родине.

Второй показатель – брачное состояние тоже имеет существенное расхождение по гендерному признаку. Состоящих в браке мужчин больше, нежели замужних женщин. Если предположить, что все женщины-персианки проживали вместе с мужьями, то опять подтверждается вывод о том, что часть женатых мужчин оставила свои семьи на родине ([Первая Всеобщая перепись, 1905: 51](#)):

Таблица 3. Семейное состояние персидско-подданных граждан

	Владикавказ		Грозный		Пятигорск		Георгиевск	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
несемейных	429	71	429	71	88	39	37	-
состоявших в браке	932	719	209	84	73	47	6	2
вдовых	55	124	6	18	4	1	-	-

Иноокружение, трудности с выбором супруги, сложности с устройством на новом месте не лучшим образом отражались на заключении брака и рождении детей. Как правило, неженатые иммигранты не спешили вступать в брак на новом месте. Об этом говорит и подсчет лиц рабочего-активного возраста, состоявших в браке и холостых. Как выявили исследователи, основная масса неженатых мигрантов вступала в брак в возрасте 29–35 лет ([Позняк, 2009: 120](#)), тогда как в своей стране они заключали браки в возрасте 25–30 лет. Не обремененные семьей, мужчины могли мигрировать по разным регионам в поисках лучшей работы. Получив хорошую работу и жилье, женатые персы позже перевозили семью и даже родственников в принимающее государство. В городах количество вдовых было ниже, чем в сельских районах. Видимо, в городе вдовье состояние среди мужчин преодолевалось быстрее. Последние могли обзавестись женой, выехав для этого на родину, могли найти себе пару в единовременной среде и проч. Так, женой персидского вице-консула стала осетинка Аза Туганова. Женщинам реже удавалось создать новую семью, они оставались с детьми на территории принимающего государства. В архивах отложились сведения о разводах среди персидско-подданных граждан Российской империи. Так, только по данным за 1912 г. свидетельство о разводе получили 14 пар. Как явствует из протоколов, развод осуществлялся в присутствии двух-трех единовременцев и муллы, которые должны были засвидетельствовать, что не нарушались религиозные каноны ([ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 17. Д. 98. Л. 87](#)).

Интерес представляет также отраслевая структура занятости иностранных подданных в пределах Терской области: какие сферы деятельности были доступны, какие экономические ниши занимали и др.

Состав мигрантов из Персии был довольно разнообразен: крестьяне, которые хотели при незначительных затратах получить свой земельный надел; поденщики, занятые на сборе урожая; купцы, ведущие торговые операции; ремесленники, вытесненные с родины конкуренцией. В ЦГА РСО-А сохранился интересный документ – список персидско-подданных, прибывших в г. Владикавказ в 1900 г., среди них торговцы, башмачники, каменщики, чернорабочие ([ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 17. Д. 98. Л. 90](#)). Переселенцы из Персии заняли следующие ниши: наем в качестве прислуги, изготовление одежды, строительство, извоз, торговля. Эта тенденция характерна и для соседних регионов, где персы захватили примерно от 50 до 70 % торговли и сферы обслуживания ([Золотарева, 2006: 105](#)). В качестве вольнонаемных персидско-подданные были востребованы в торговле, в сфере обслуживания. Примерно 20 % персов Терской области занимались неквалифицированным физическим трудом на промышленных предприятиях области; 12 % мигрантов работали в качестве извозчиков и грузчиков; прислуга составила примерно четверть самостоятельных иностранцев-персов, столько же было занято в торговле и предпринимательстве. Последние были владельцами промышленных, торговых, ремесленных заведений. Часть из них прибывала в пределы Терской области, имея немного денег, здесь собирала нужную сумму и

основывала собственное дело. Значительный процент собственников говорит о том, что они были задействованы в торговле, ставшей их этнонациональной нишей.

Часть иностранцев, поселившись в пределах России, занималась предпринимательством. Начиная со времен Екатерины II, иностранцы в России могли заниматься своими хозяйственными делами: от хлебопашества до торговли. Государство проявляло в этом случае заботу при организации собственного дела. Иностранец мог приобретать недвижимость, содержать предприятия (фабрики, лавочки, мастерские). Часть персидско-подданных проживала и имела недвижимость в престижных районах гг. Владикавказ, Грозный, Пятигорск. Некоторые из персидско-подданных сколотили неплохое состояние. Так, житель Владикавказа Алиев был владельцем «Персидского магазина» с большим торговым оборотом, Асадулла Сайдулла-оглы – владельцем кирпичного завода; Джаба Афросиаба-оглы имел бакалейную торговлю на оживленном Александровском проспекте в центре г. Владикавказа. Персидские товары всегда были хорошего качества и пользовались спросом местного населения. Популярностью у владикавказских жителей пользовалась «Персидская баня». Среди владельцев кирпичных заводов во Владикавказе были и персидско-подданные граждане (Муштаба Исмаил-оглы, Абдула Расул-оглы, Машади Рустам Ахмед-оглы, Мамед Багир Аббас и др.), их ежегодный доход составлял от 2000 до 18000 руб. ([Список, 1906: 17–108](#)). Крупные собственники, они владели большими земельными участками и строениями в центральной части городов, размещали там свои магазины и лавки, квартиры. Роль персидских предпринимателей в торговле городов была столь значительной, что начальник области просил вице-консула заранее оповещать о предстоящих персидских праздниках, чтобы жители городов могли заранее закупить продукты, т.к. в дни национальных торжеств персы-торговцы прекращали торговлю.

Эти факты указывают на то, что выходцы из Персии оказались в Терской области, оценив ее потребительский рынок. Если подданные других стран равномерно распределялись по разным сферам деятельности, то персы заняли прежде всего сферу предпринимательства и торговли, а также услуг. Несмотря на свою малочисленность, персы-предприниматели были довольно крупными торговцами и промышленниками, годовой оборот их предприятий превышал 6–20 тыс. руб. в год. Другая часть диаспоры состояла из чернорабочих и ремесленников, которые с трудом сводили концы с концами. Среди них были водовозы, каменщики, строители, разносчики.

Для персидской диаспоры были характерны многие элементы диаспорной структуры. В конце XIX в. наиболее мощная городская мусульманская община сформировалась в г. Владикавказе. Она включала татар, ингушей, кабардинцев, осетин-мусульман, а также выходцев из Ирана и Азербайджана. Большая часть мусульман являлась суннитами, а выходцы из Турции, Северного Азербайджана и Персии были шиитами ([Дзеранов, 2014: 861](#)).

Наряду с хозяйственной деятельностью персидская диаспора активно занималась сохранением своих традиций, культуры и веры. По понятным причинам вопросы веры составляли основу общества. По российским законам иностранцы в России имели право на отправление своих религиозных обрядов и строительство молитвенных зданий. Еще в 1868 г. община персидско-подданных шиитов г. Владикавказа обратилась к начальнику области с просьбой разрешить строительство своего молитвенного здания, т.к. «терпит большие неудобства в исполнении религиозных обрядов и треб по случаю отсутствия приходского благоустройства» ([ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 17. Д. 98. Л. 1–1 об.](#)). Просьба была удовлетворена, и на правом берегу Терека усилиями шиитской общины вскоре было построено здание мечети, которую в народе называли «шиитская». Архитектор сооружения неизвестен, но оно вписалось в городской ландшафт и «является единственным в городе и редким вообще памятником архитектуры Востока» ([Хубулова, 2005: 61](#)). В годы атеистических пятилеток на это здание претендовали разные учреждения ([Хубулова, 2012: 21](#)).

Так как единственный мулла числился за Суннитской мечетью, то не мог охватить все мусульманское население города и его запросы. Это приводило к частым стычкам между суннитами и шиитами города. Поэтому в 1901 г. шиитская община вновь обратилась с просьбой о приглашении второго муллы, который бы заботился о них, и предложением о назначении на этот пост приходского муллы Гаджи моллы Исмаила Гасан-Заде ([ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 17. Д. 98. Л. 31](#)). В просьбе было отказано. Споры вокруг назначения муллы и здания мечети являются показательными, ибо религиозный храм был не только местом отправления духовных нужд, но и выполнял функцию внутриэтнической коммуникации, места общения конкретной диаспоры ([Канукова, Хубулова, 2006: 79](#)).

Следующим важным шагом стало создание русско-персидского учебного заведения «Навруз» в г. Владикавказе. Значительная часть персидско-подданного населения понимала важность получения образования и стремилась дать его не только своим домашним, но и остальным членам диаспоры. Поэтому зародилась идея создания учебного заведения для нужд персов. «Озабочиваясь введением русской грамотности в среде детей соотечественников, – писал в своем прошении персидский вице-консул, – на средства добровольных пожертвователей имею честь покорнейше просить не отказать в разрешении открыть в гор. Владикавказе русско-персидскую начальную школу» ([ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 17. Д. 98. Л. 68](#)). Прошение было удовлетворено, и мужское двухклассное училище открыто в кратчайшие сроки. Попечителем училища стал Давуд-Хан, заведующим – Адиль-Гирей Терегулов, преподавателем родного языка – персидско-подданный Мурза Хусейн-хан, основ шиитского

вероучения – Гаджи Мола Али Гаджи Магомед Али Заде, выпускник одного из духовных училищ Тавриза. Для своего времени это учебное заведение использовало передовую методику, включавшую преподавание на русском, татарском и персидском языках, кроме того, наряду с основами шиитского вероучения, ученики получали знания по географии, истории, арифметике (Канукова, 2009: 116). Училище существовало на частные пожертвования и членские взносы. Осенью 1903 г. был осуществлен набор воспитанников-мальчиков в возрасте от 8 до 15 лет, в 1905 г. состоялся первый выпуск (ТВ, 1903, №253).

Рост национального самосознания мусульман, проживавших в пределах Российской империи к началу XX в. стал благодатной почвой для создания национальных организаций, которые способствовали консолидации мусульманских диаспор и решению вопросов культурно-просветительского движения (Пирова, 2017: 398). В 1917 г. в Терской области насчитывалось свыше 74 различных негосударственных благотворительных организаций, среди них было и Общество пособия бедным персидско-подданным «Химмат», открытое в 1907 г. (Туаева, 2010: 79–80).

У истоков его создания находились состоятельные персы и вице-консул, которые, по сути, руководили жизнью диаспоры. Целью Общества было оказание помощи неимущим соотечественникам, попавшим по разным обстоятельствам в трудное положение и могущим рассчитывать лишь на содействие земляков. Средства Общества формировались из ежемесячных взносов благотворителей, а также единовременных пожертвований. Те лица, которые обращались за помощью, должны были оставить о себе необходимые сведения, анализировавшиеся общим собранием, выносившим решение об объеме помощи. Помощь оказывалась одеждой, приютом, денежным пособием для поправки здоровья, определении бедных в богадельни, малолетних в сиротские дома, ремесленные и другие учебные заведения, обеспечении неимущих средствами для возвращения на родину (ЦГА РСО-А. Ф. 199. Оп. 1. Д. 103. Л. 138).

5. Заключение

Итак, анализ отложившегося архивного материала позволяет заключить, что персидско-подданные граждане принимали активное участие в жизни Терской области. Побудительным мотивом миграции в регион стало желание реализации своих возможностей.

В процессе оформления иностранного населения Терской области отчетливо проявились поликонфессиональность, полиэтничность. В этих процессах немалую роль играли иностранно-подданные персы, которые смогли интегрироваться в общественно-экономические процессы региона. Общественная деятельность диаспоры нашла реализацию в экономике, благотворительности, общественной работе.

Литература

Алиева, Дадаева, 2014 – Алиева А.И., Дадаева Л.А. Персидско-подданное население в Дагестане во второй половине XIX – начале XX веков: социально-экономический аспект // *Известия ДГПУ*. 2014. № 4. С. 13–16.

Богатырев, 2009 – Богатырев В.С. Динамика развития торговли России и Персии через Астрахань в 80-х – первой половине 90-х годов XIX века. // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2009. № 115. С. 39–43.

Дзеранов, 2014 – Дзеранов Т.Е. Этноконфессиональные различия населения Северного Кавказа // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 3–4. С. 861.

Законы, 1903 – Законы о состояниях. (Св. зак., т. 9): Офиц. текст по изд. 1876 г., испр. по прод. 1893 г. СПб, 1903 // Электронная библиотека Российской национальной библиотеки. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (Дата обращения: 10.01.2018)

Золотарева, 2006 – Золотарева Н.В. Социально-демографическая характеристика иностранного населения Ставропольской губернии в XIX веке. Отечественная и зарубежная история проблемы, мнения, подходы // *Ученые записки кафедры Отечественной и зарубежной истории*. Вып. VI / Под общ. ред. В.П. Ермакова. Пятигорск: ПГЛУ, 2006. С. 103–117.

Иванов, 1977 – Иванов М.С. История Ирана. М.: Изд-во МГУ, 1977. 497 с.

Имашева, 2015 – Имашева М.М. Деятельность мусульманской национально-конфессиональной благотворительной организации в Астраханской губернии в начале XX века // *Исламоведение*. Махачкала. 2015. № 1. С. 69–83.

Казначеев, 2005 – Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864–1904 гг.): Дисс... д-ра ист. наук. Пятигорск, 2005. 513 с.

Канукова, 2009 – Канукова З.В. Диаспоры в Осетии: исторический опыт жизнеустройства и современное состояние. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2009. 234 с.

Канукова, 2008 – Канукова З.В. Старый Владикавказ: историко-этнологическое исследование. Владикавказ: РИО СОИГСИ им. В.И. Абаева, 2008. 284 с.

Канукова, Хубулова, 2006 – Канукова З.В., Хубулова С.А. Религия в истории и культуре полиэтничного города: Владикавказ в XIX – нач. XX вв. Владикавказ, 2006. 315 с.

Корноухова, 2010 – Корноухова Г.Г. «Честность между ними так редка, как крупный алмаз в истощенных копьях»: к вопросу о российско-персидских торговых отношениях и деловой культуре

мусульманских предпринимателей во второй половине XIX – начале XX вв. // Сотрудничество и связи России и СССР с народами зарубежных стран XX в.: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию РУДН. М.: Изд-во РУДН, 2010. С. 44–53.

Лазарян, 2002 – Лазарян С.С. История становления предпринимательства в регионе Кавказских Минеральных Вод (конец XVIII – начало XX века): дисс. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2002. 204 с.

Малахова, 2001 – Малахова Г.Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII–XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001. 292 с.

Николаев, 2008 – Николаев В.Б. Подданство Российской империи: его приобретение и прекращение (историко-правовой анализ): Дисс... канд. юр. наук. Нижний Новгород, 2008. 205 с.

Пасько, 2003 – Пасько Е.А. Колонизационная политика России (Вторая половина XVIII – первая четверть XIX века): Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 26 с.

Первая перепись, 1905 – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 год. Терская область. СПб, 1905. 262 с.

Пирова, 2016 – Пирова Р.Н. Астраханские купцы азербайджанско-персидского происхождения в общественной деятельности региона во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2016. № 4. С. 16–22.

Пирова, 2017 – Пирова Р.Н. Астраханское персидское культурно-просветительское общество «Энджумен-Хайирийя» (1909–1911 гг.) // Научный диалог. 2017. № 11. С. 397–409.

Пирова, 2018 – Пирова Р.Н. Привилегированный характер персидского предпринимательства в Астрахани в XIX в. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. № 1 (45). С. 21–29.

Позняк, 2009 – Позняк Т.З. Иммигранты, колонизация и межкультурное взаимодействие на российском Дальнем Востоке (вторая половина XIX – начало XX вв.). // Уральский исторический вестник. 2009. № 2. С. 118–124.

П.С.З., 1844 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание: т. XIX: Законы (1747–1857). 1734 г. Ст. 589. // Электронная библиотека Российской национальной библиотеки. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 14.06.2018)

Список, 1906 – Список недвижимых имуществ по городу Владикавказу и раскладки оценочного сбора. Владикавказ, 1906. 132 с.

ТВ, 1903 – Терские ведомости, 1903, № 253.

Третьякова, 2016 – Третьякова Е.С. Становление консульских отношений Российской империи с восточными государствами // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 3 (62). С. 57–61.

Туаева, 2010 – Туаева Б.В. Локальная история: особенности культурной и общественной жизни городов Северного Кавказа во второй половине XIX – первой трети XX веков. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. 237 с.

Устав, 1903 – Устав о паспортах. Ст. 142. СПб., 1903. // Электронная библиотека Российской национальной библиотеки. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 12.04.2018)

Хубулова, 2005 – Хубулова С.А. Весь мир мой храм: поликонфессиональный Владикавказ в XX веке. Владикавказ, 2005. 181 с.

Хубулова, 2012 – Хубулова С.А. Советская власть и репрессии против священства г. Владикавказа (1920–1930-е гг.). // Былые годы, 2012. Vol. 26. № 4. С. 18–23.

ЦГА РСО-А – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия–Алания.

Шукюров, 2009 – Шукюров К. Миграция населения между Россией и Ираном в XIX – начале XX веков (политико-правовые вопросы) // Кавказ & глобализация. 2009. Т. 3. Вып. 2–3. С. 210–219.

References

Alieva, Dadaeva, 2014 – Alieva A.I., Dadaeva L.A. (2014). Persidsko-poddannoe naselenie v Dagestane vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vekov: social'no-ehkonomicheskij aspekt. [Persian-citizen population in Dagestan in the second half of XIX-early XX centuries: socio-economic aspect]. *Izvestiya DGPU*. №4. pp. 13-16 [in Russian]

Bogatyrev, 2009 – Bogatyrev V. S. (2009). Dinamika razvitiya trgovli Rossii i Persii cherez Astrahan' v 80-h–pervoj polovine 90-h godov XIX veka. [Dynamics of trade development in Russia and Persia through Astrakhan in the 80's–first half of the 90-ies of the XIX century]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena*. №115. pp. 39–43 [in Russian]

Dzeranov, 2014 – Dzeranov T.E. (2014). Ehtnokonfessional'nye razlichiya naseleniya Severnogo Kavkaza. [Ethnic and religious differences of the population of the North Caucasus]. *Fundamental'nye issledovaniya*. № 3–4. P. 861 [in Russian]

Zakony, 1903 – Zakony o sostoyaniyah. (Sv. zak., t. 9): Ofic. tekst po izd. 1876 g., ispr. po prod. 1893 g. SPb, 1903 [The laws of the States. (Ne. Zak., vol. 9): Ofit. text on ed. 1876, ISPR. prod.] // Elektronnyaya biblioteka Rossijskoj nacional'noj biblioteki. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (Data obrashcheniya: 10.01.2018) [in Russian]

- Zolotareva, 2006** – *Zolotareva N.V.* (2006). Social'no-demograficheskaya harakteristika inostrannogo naseleniya Stavropol'skoj gubernii v XIX veke. Otechestvennaya i zarubezhnaya istoriya problemy, mneniya, podhody. [Socio-demographic characteristics of the foreign population of the Stavropol province in the XIX century. Domestic and foreign history, problems, opinions, approaches]. *Uchenye zapiski kafedry Otechestvennoj i zarubezhnoj istorii*. Vyp VI. Pod obshch. red. V.P. Ermakova. Pyatigorsk: PGLU, 2006. pp. 103-117. [in Russian]
- Ivanov, 1977** – *Ivanov M.S.* (1977). Istoriya Irana. [History Of Iran]. M.: Izd-vo MGU. 497 p. [in Russian]
- Imasheva, 2015** – *Imasheva M.M.* (2015). Deyatel'nost' musul'manskoj nacional'no-konfessional'noj blagotvoritel'noj organizacii v Astrahanskoj gubernii v nachale XIX veka. [The activities of Muslim national-religious charitable organizations in the Astrakhan province in the early twentieth century]. // *Islamovedenie*. Mahachkala. №1. pp. 69–83 [in Russian]
- Kaznacheev, 2005** – *Kaznacheev A.B.* (2005). Razvitie severokavkazskoj okrainy Rossii (1864-1904 gg.). [The development of the North Caucasus border regions of Russia (1864-1904).]: diss. ... d-ra ist. nauk. Pyatigorsk. 513 p. [in Russian]
- Kanukova, 2009** – *Kanukova Z.V.* (2009). Diaspory v Osetii: istoricheskij opyt zhizneustrojstva i sovremennoe sostoyanie. [Diaspora in South Ossetia: historical experience of living arrangement and current status]. Vladikavkaz: IPO SOIGSI. 234 p. [in Russian].
- Kanukova, 2008** – *Kanukova Z.V.* (2008). Staryj Vladikavkaz: istoriko-ehnologicheskoe issledovanie. [Old and historical and ethnological research. Vladikavkaz]. Vladikavkaz: RIO SOIGSI im. V. I. Abaeva, 284 p. [in Russian]
- Kanukova, Khubulova, 2006** – *Kanukova Z.V., Khubulova S.A.* (2006). Religiya v istorii i kul'ture poliehtnichnogo goroda: Vladikavkaz v XIX-nach. XX vv. [Religion in the history and culture of multiethnic cities: Vladikavkaz in the XIX – early XX centuries]. Vladikavkaz, 315 p. [in Russian]
- Kornouhova, 2010** – *Kornouhova G.G.* (2010). «Chestnost' mezhdru nimi tak redka, kak krupnyj almaz v istoshchennyh kop'yah»: k voprosu o rossijsko-persidskih torgovyh otnosheniyah i delovoj kul'ture musul'manskih predprinimatelej vo vtoroj polovine XIX–nachale XX v. ["Honesty between them so rare, as a large diamond in depleted spears": the question of Russo-Persian trade relations and the business culture of Muslim entrepreneurs in the second half of XIX–early XX century]. *Sotrudnichestvo i svyazi Rossii i SSSR s narodami zarubezhnyh stran XIX v.: Sbornik statej Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 50-letiyu RUDN*. M.: Izd-vo RUDN. pp. 44-53. [in Russian]
- Lazaryan, 2002** – *Lazaryan S.S.* (2002). Istoriya stanovleniya predprinimatel'stva v regione Kavkazskih Mineral'nyh Vod (konec XVIII – nachalo XX veka). [The history of the formation of entrepreneurship in the region of the Caucasian Mineral Waters (the end XVIII – beginning of XX century)]: diss. ... kand.ist.nauk. Pyatigorsk. 204 p. [in Russian]
- Malahova, 2001** – *Malahova G.N.* (2001). Stanovlenie i razvitie rossijskogo gosudarstvennogo upravleniya na Severnom Kavkaze v konce XVIII–XIX vv. [The formation and development of Russian government in Northern Caucasus in the late XVIII–XIX centuries]. Rostov-na Donu. 292 p. [in Russian]
- Nikolaev, 2008** – *Nikolaev V.B.* (2008). Poddanstvo Rossijskoj imperii: ego priobretenie i prekrashchenie (istoriko-pravovoj analiz). [Citizenship of the Russian Empire: its acquisition and termination (the historical-legal analysis)]: diss. ...kand. yur. nauk. Nizhnij Novgorod. 205 p. [in Russian]
- Pas'ko, 2003** – *Pas'ko E.A.* (2003). Kolonizacionnaya politika Rossii (Vtoraya polovina XVIII–pervaya chetvert' XIX veka). [Colonization policy of Russia (Second half XVIII–first quarter of XIX century)]: avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. Rostov-na-Donu. 26 p. [in Russian]
- Pervaya perepis', 1905** – *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897 god. Terskaya oblast'*. [The first General census of the Russian Empire, 1897. Terek region]. SPb, 1905. 262 p. [in Russian]
- Pirova, 2016** – *Pirova R.N.* (2016). Astrahanskije kupcy azerbajdzhansko–persidskogo proiskhozhdeniya v obshchestvennoj deyatelnosti regiona vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [Astrakhan merchants, the Azerbaijani–Persian origin in the social activities of the region in the second half of XIX – early XX century]. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. №4. pp. 16-22. [in Russian]
- Pirova, 2017** – *Pirova R.N.* (2017). Astrahanskoe persidskoe kul'turno-prosvetitel'skoe obshchestvo «Ehndzhumen-Hajirijya» (1909–1911 gg.). [Astrakhan Persian cultural and educational society "Anjuman-Hairia" (1909-1911)]. *Nauchnyj dialog*. №11. pp. 397-409. [in Russian]
- Pirova, 2018** – *Pirova R.N.* (2018). Privilegirovannyj karakter persidskogo predprinimatel'stva v Astrahani v XIX v. [The privileged nature of the Persian enterprise in Astrakhan, in the nineteenth century]. // *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 1 (45). pp. 21-29. [in Russian]
- Poznyak, 2009** – *Poznyak T.Z.* (2009). Immigranty, kolonizaciya i mezhkul'turnoe vzaimodejstvie na rossijskom Dal'nem Vostoke (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). [Immigrants, colonization and cultural interaction in the Russian far East (second half of XIX – beginning of XX century)]. *Ural'skij istoricheskij vestnik*. №2. pp. 118–124. [in Russian]

P.S.Z., 1844 – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie: t. XIX: Zakony (17472–18572). 1734 g. P. 589. [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection: T. XIX: Laws (17472–18572). 1734. St. 589]. // Elektronnaya biblioteka Rossijskoj nacional'noj biblioteki. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (Data obrashcheniya: 14.06.2018). [in Russian]

Spisok, 1906 – Spisok nedvizhimyh imushchestv po gorodu Vladikavkazu i raskladki ochenochnogo sbora. [List real estates in the city of Vladikavkaz and layout of the assessment fee]. Vladikavkaz, 1906. 132 p. [in Russian]

TV, 1903 – Terskie vedomosti [Terek statements], 1903, №253. [in Russian]

Tret'yakova, 2016 – *Tret'yakova E.S.* (2016). Stanovlenie konsul'skih otnoshenij Rossijskoj imperii s vostochnymi gosudarstvami. [The establishment of consular relations of the Russian Empire with the Eastern States]. *Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii*. № 3 (62). pp. 57–61 [in Russian]

Tuaeva, 2010 – *Tuaeva B.V.* (2010). Lokal'naya istoriya: osobennosti kul'turnoj i obshchestvennoj zhizni gorodov Severnogo Kavkaza vo vtoroj polovine XIX – pervoj treti XX vekov. [Local history: cultural and social life of the cities of the North Caucasus in second half XIX – first third XX centuries]. Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 237 p. [in Russian]

Ustav, 1903 – Ustav o pasportah. St. 142. [The Charter about passports]. SPb., 1903. Elektronnaya biblioteka Rossijskoj nacional'noj biblioteki. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (data obrashcheniya: 12.04.2018). [in Russian]

Khubulova, 2005 – *Khubulova S.A.* (2005). Ves' mir moj hram: polikonfessional'nyj Vladikavkaz v XX veke. [The whole world is my temple: multi-religious Vladikavkaz in the twentieth century]. Vladikavkaz, 181 p. [in Russian]

Khubulova, 2012 – *Khubulova S.A.* (2012). Sovetskaya vlast' i repressii protiv svyashchestva g. Vladikavkaza (1920–1930-e gg.). [Soviet power and the repression of the priesthood in Vladikavkaz (1920–1930s)]. *Bylye Gody*. Vol. 26. № 4. pp. 18–23. [in Russian]

CGA RSO–A – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Severnaya Osetiya–Alaniya [Central state archive of the Republic of North Ossetia–Alania].

Shukyurov, 2009 – *Shukyurov K.* (2009). Migraciya naseleniya mezhdru Rossiej i Iranom v XIX–nachale XX vekov (politiko-pravovye voprosy). [Migration between Russia and Iran in the XIX – early XX centuries (legal and policy issues)]. *Kavkaz & globalizaciya*. T. 3. Vyp. 2–3. pp. 210–219. [in Russian]

Персидско-подданное население Терской области в социально-экономических и культурных процессах второй половины XIX – начале XX веков

Светлана Алексеевна Хубулова ^a, Лариса Черменовна Хаблиева ^a,
Залина Ермаковна Дзотцоева ^a, Супьян Султанович Магамадов ^{b, c, *}

^a Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова, Российская Федерация

^b Чеченский государственный университет, Российская Федерация

^c Институт гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, Российская Федерация

Аннотация. Впервые на региональном архивном материале исследована роль персидско-подданных в социально-экономическом и культурно-демографическом развитии Терской области во второй половине XIX – начале XX вв. В ходе анализа выделены основные этапы формирования персидского населения в регионе, их правовой статус. Была реконструирована половозрастная, семейная структура, выявлены основные направления деятельности этой категории иностранцев: экономическая, социокультурная; показан вклад персидской диаспоры, а также закономерности участия ее в развитии региона как историко-культурное явление. Реконструкция указанных процессов осуществлена путем введения в научный оборот ранее не опубликованных архивных материалов. Было показано, как с помощью создания условий для социально-экономической модернизации в Терской области формировались иностранные диаспоры, ставшие одним из движущих сил модернизации экономической жизни и развития общественной жизни региона. Российское государство понимало несомненную значимость тех положительных качеств, которые давали иммиграции, особенно на Северный Кавказ. Как было установлено, между иммигрантами-персами и местным населением происходили процессы взаимодействия, интеграции и синтеза разных этнических культур и традиций. Территория региона была открытой для иммигрантов соседних государств без ограничений по конфессиональному или этническому признакам.

* Корреспондирующие авторы

Адреса электронной почты: hubul@yandex.ru (С.А. Хубулова), lara6715@yandex.ru (Л.Ч. Хаблиева), zalina.dzotsoeva@mail.ru (З.Е. Дзотцоева), directigi@yandex.ru (С.С. Магамадов)

Иммигранты остановили свой выбор на Терской области в результате поиска своей ниши. В ходе исследования решалась задача изучения общих проблем подданства, юридических основ нахождения иностранцев в пределах Российской империи, что позволило выявить особенности правового статуса персидско-подданных в Терской области. Анализ материала позволяет заключить, что деятельность персидского населения положительно сказалось на жизни региона.

Ключевые слова: персидские подданные, миграции, адаптация, культурные связи, этноконфессиональность.